

М. О. Гершензон

**Русские пропилеи.
Материалы по истории
русской мысли и литературы**

Том 4: Архив Н.П. Огарева

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
М11

М11 **М. О. Гершензон**
Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы: Том 4: Архив Н.П. Огарева / М. О. Гершензон – М.: Книга по Требованию, 2021. – 302 с.

ISBN 978-5-518-05331-1

Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы.
Том 4: Архив Н.П. Огарева.

Составлено М. Гершензоном, репринт оригинального издания 1917 г.

ISBN 978-5-518-05331-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

„Архивъ Н. П. Огарева“ составляютъ бумаги, 1) уцѣлѣвшія, послѣ отъѣзда Огарева за-границу, въ его пензенскомъ имѣніи с. Старомъ Акшенѣ, перешедшемъ къ его шуруину, Н. М. Сатину, 2) привезенныя Н. А. Огаревой туда-же при ея возвращеніи въ 1876 году изъ-за границы, 3) хранившіяся у покойнаго проф. А. А. Герцена въ Лозаннѣ и переданныя имъ мнѣ въ 1902 году. Настоящій томъ обнимаетъ время съ конца 40-хъ годовъ до окончательнаго распаденія Лондонскаго гнѣзда Герценовъ и Огаревыхъ, т.-е. до 1865 г.; весь остальной матеріалъ составитъ содержаніе слѣдующаго тома.

О Герценѣ и Огаревѣ писано такъ много, что основныя черты и даты ихъ біографій можно считать достаточно извѣстными. Но документы, печатаемые здѣсь, вводятъ насъ въ самое горнило ихъ жизни; словно на фантастической сценѣ они сызнова живутъ свою неподдѣльную жизнь, переживаютъ во второй разъ публично все то, что когда-то во плоти изживали скрытно отъ всѣхъ. Между сценой и нами смерть провела таинственную грань; стоя за чертою, мы въ благоговѣйномъ молчаніи смотримъ, какъ совершаются роковыя вины и строятся судьбы, какъ малые соблазны неодолимо влекутъ обреченную жертву, и какъ въ самой гибели, въ безвыходной тѣснотѣ страданій, человѣческій духъ тѣмъ жарче горитъ немеркнущимъ огнемъ тоски, надежды и боли, чуя ложь воплощеннаго міра и правду иную. Въ участи Герцена, Огарева и Н. А. Огаревой полностью оправдались слова Гёте о небесныхъ силахъ:

Ihr führt ins Leben uns hinein,
Ihr lasst den Armen schuldig werden,
Dann überlasst ihr ihn der Pein:
Denn alle Schuld rächt sich auf Erden.

Но такъ лишь отъ колыбели до гроба; намъ же, зрителямъ завершенной жизни, ясны въ ней не только вина и кара, но и просвѣтляющій смыслъ ея, невыразимый.

Первыя страницы этого тома заняты письмами Огарева къ А. А. Тучкову и дочерямъ послѣдняго. Тучковъ былъ сосѣдь Огарева по пензенскому имѣнію и давнишній его пріятель. Имя Тучкова у насъ мало извѣстно, хотя о немъ немало писано (см. „Воспоминанія“ Н. А. Огаревой, „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“ В. И. Семевского и его же статью въ сборникъ „Крестьянскій строй“ 1905 года, мою статью въ „Вѣстникъ Европы“ за августъ 1900 г.). Въ 1848 году, когда начинается переписка Огарева съ дочерью Тучкова, Наталіей Алексѣвной, онъ уже окончательно разошелся со своей первой женой, Маріей Львовной. Такимъ образомъ біографически сближеніе Огарева съ Н. А. Тучковой непосредственно примыкаетъ къ исторіи его первой любви и женитьбы, о чемъ я подробно разсказалъ въ „Образахъ прошлаго“.

Приношу искреннюю благодарность В. Ф. Ходасевичу за добрую помощь въ настоящей работѣ.

I.

1838—1865.

Н. П. Огаревъ — А. А. Тучкову.

[20 марта 1838 г.]

Гдѣ вы, что вы, любезный другъ? Доѣхали ли? Сказали ли наконецъ: „Ну слава Богу, вотъ я и дома!“? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мое письмо и пропущенная газета съѣхались съ вами въ Яхонтовѣ и чтобы, послѣ привѣта семейства, вы нашли привѣтъ друга.

Я люблю начинать мои письма съ дѣла, потому что имѣю странную привычку забыть объ немъ если откладываю до послѣдней страницы. А дѣло вотъ въ чѣмъ. Если вы найдете мнѣ Управляющаго, то все же погодите отставлять Баймаковского прикащика до окончанія межеванья, потому что онъ одинъ, яко туземецъ, хорошо знаетъ Географію, Статистику и Исторію деревни Баймакова; потомъ-съ—вы знакомы съ Гжею Цейдлеръ—она требуетъ съ меня деньги за владѣніе землею; я отъ этаго не прочь, если ея требованія справедливы; но знаменитый прикащикъ Баймакова, знающій всѣ обстоятельства до него относящіяся какъ свои пять пальцевъ, утверждаетъ, что ея требованіе несправедливо. Мнѣ заглазно трудно рѣшить кто правъ, кто виноватъ, прикащикъ ли изъ усердія къ моей пользѣ или Гжа Цейдлеръ изъ усердія къ моему вреду; а я вы знаете человѣкъ честный какъ большая часть людей: своего не даю, чужаго не хочу. Вы меня много бы одолжили, призвавъ моего прикащика и разпросивъ о дѣлѣ. Мнѣ совѣстно тревожить васъ моими пустяками—но въ этомъ виноваты вы, потому что захотѣли помочь мнѣ по дружбѣ и добротѣ душевной.—Еще прошу совѣта: опасно или нѣтъ отпустить на волю моего стараго Управляющаго и пока оставить его на мѣстѣ или нѣтъ. Мнѣ совѣстно, что я тяну дѣло, а между тѣмъ боюсь, чтобы воля не имѣла худаго вліянія на судьбу моихъ денегъ и крестьянъ; а иногда думаю, что онъ былъ бы, какъ вольный, вдвое

аккуратнѣе и отчетливѣе, чтобы не терять мѣста. Какъ вы думаете? Конечно я могу его отпустить послѣ перемѣны—ну, а если Управ. Закревскаго откажется? Помогите совѣтомъ—я признаю въ себѣ рѣшительную неспособность управлять людьми и великую способность безотчетно имъ ввѣряться; въ припадкѣ послѣдняго разположенія духа, я общалъ дать ему вольную.—

Ну, да довольно объ этомъ. Боюсь, чтобы вы меня не разругали за болтовню; за глупость въ подобныхъ дѣлахъ ругайте сколько хотите. Что вамъ сказать о Москвѣ, которую вы такъ недавно оставили? Она стала гораздо грязнѣе и только. Весенній воздухъ меня радуетъ; мнѣ уже кажется, что поля зелены и я ѣду на Кавказъ. Мнѣ ужасно хочется на Кавказъ. Ясное утро, горы да степи, да чувство грустное и сладкое вмѣстѣ все это меня радуетъ. Я ворчу на себя что не могу жить иначе какъ внутри самаго себя, съ моими ощущеніями или съ общими идеями, а не могу не сознаться, что всякая другая сфера для меня несносно тяжела. И такъ мѣсяца черезъ два, я буду фантазировать на Машукѣ и ломать голову надъ Феноменологіей духа, а въ Сентябрѣ можете съѣдмися, вы мнѣ разкажете что вы подѣлывали, какъ провели время полное дѣятельности, а я разкажу вамъ моимъ вялымъ языкомъ о томъ, что я передумалъ и сколько выпилъ скверной вонючей воды.—Корсаковъ ¹ отправился въ наши стороны; мнѣ грустно, что я рѣдко съ нимъ видѣлся, я люблю его отъ души; но я такъ мало увѣренъ въ себѣ, что мнѣ казалось будто ему скучно со мною (но это: *entre ns soit dit*). Страница къ концу, а стрѣлки хотятъ сойтись на 12 часахъ. Прощайте. Жена вамъ кланяется. Пишите, хотя изрѣдка.

Tt à vs

Н. Огаревъ.

20 Марта.

Rappelez nous au souvenir de Mme Toutchkoff.

Что же ваши комиссіи. Я заказалъ Bellot.

¹ [Григ. Алекс. Римскій-Корсаковъ, сосѣдь и другъ Тучкова, сынъ М. И. Римской-Корсаковой; о немъ см. „Воспоминанія“ Н. А. Огаревой и нашу „Грибоѣдовскую Москву“.]

2.

Н. П. Огаревъ — А. А. Тучкову.

[Середина 1840-хъ гг.]

Voici le second jour que je suis sur pieds, cher ami, c. à d. que je quitte la chambre. Ce matin j'ai été chez votre père. J'ai vu votre soeur, j'ai lu la lettre que vous lui avez écrite. Je ne savais que dire—j'avais envie de pleurer. Que ns sert donc de vous donner des avis quand votre douleur est plus grande que ce qu'on peut imaginer de consolations et de conseils! J'avais seulement le désir de vs serrer la main en signe d'affection, de vs faire sentir que votre chagrin me serre le coeur—et rien de plus; je n'ose dire rien de plus.—Que mes affaires n'aillent pas vous embêter, cher ami—dites à mes intendants qu'ils m'écrivent directement et plus souvent,—laissez l'influence de votre nom, mais ne vous laissez pas inquiéter par quoi que ce soit. Certes ce qui me ferait un véritable chagrin c'est de vous donner un instant d'ennui, qui viendrait s'ajouter à des douleurs, que j'aurais voulu voir se calmer. Cher ami, brave ami—que puis je faire pour vous?—je vs suis bien attaché en vérité.—Ces jours ci j'ai eu une triste nouvelle, dont je ne puis vs faire part à présent et depuis j'ai toujours quelque chose qui me pèse sur le coeur. Je suis triste. Et puis votre lettre de tantôt!.. oufl.. Il faut de la force, ami, sans quoi la vie paraîtrait bien mesquine. Trêve de doléances. Parlons de sucres. J'ai envoyé mon confiseur chez votre père, mais cette engence mercantile peut friponner et non acheter. Ensuite ayant été malade je n'ai pu aller partout où je voulais; je me mettrai en dix dès que vs enverrez un nouveau transport. Dites moi quand vs comptez en expédier encore—je tacherai de préparer les acheteurs.—Je vs ai envoyé une lampe que j'ai pris la liberté de payer dix roubles plus cher que vous ne l'aviez assigné, parce que j'ai pensé qu'une lampe en bronze véritable vous durerait plus qu'une en composition qui est bientôt abimée; je l'ai payée 70 roubles. Les bougies coutent 49 R.—la réparation de la montre coute 12 R. en tout 131 R. Quant aux deux cahiers de musique je ne sais pas encore ce que cela vaut et les trois autres m'appartenaient et je voulais que vos demoiselles les aient en mémoire d'un homme qui les aime beaucoup. Les livres vous seront expédiés en Février avec mes paysans—

ne pouvant quitter la maison je n'ai pu en faire le choix. Adieu, cher ami, soyez donc plus tranquille—mes respects à Madame Touthkoff—adieu.

Salut et amitié.

Le 14 Janv.

N. Ogareff.

[Переводъ.]

Вотъ уже второй день, какъ я на ногахъ, милый другъ, т. е. выхожу изъ комнаты. Нынче утромъ я былъ у вашего отца. Видѣлъ вашу сестру, прочелъ письмо, которое вы ей написали. Я не зналъ, что сказать,—хотѣлось плакать. Къ чему давать вамъ совѣты, когда ваше горе больше, нежели сколько можно придумать утѣшеній и совѣтовъ? У меня было одно желаніе—пожать вамъ руку въ знакъ привязанности, дать вамъ почувствовать, что ваша печаль заставляетъ мое сердце сжиматься,—и больше ничего; больше я ничего не рѣшаюсь сказать.—Не утруждайте себя моими дѣлами, милый другъ—скажите моимъ управляющимъ, чтобы они писали прямо мнѣ и почаще,—сохраните вліяніе своего имени, но не тревожьтесь ни о чемъ. Конечно, мнѣ было бы поистинѣ грустно къ вашимъ страданіямъ, которыя я хотѣлъ бы видѣть утихающими, прибавить хоть одинъ непріятный мигъ. Милый другъ, мужественный другъ,—что я могу сдѣлать для васъ?—я поистинѣ очень привязанъ къ вамъ.—На дняхъ узналъ я грустную новость, которой сейчасъ не могу подѣлиться съ вами,—и съ той минуты все время на сердцѣ у меня какая-то тяжесть. Я грущу. Да еще послѣднее ваше письмо!.. уф!.. Нужна сила, другъ мой, не то жизнь покажется очень противной. Но оставимъ сѣтованія. Поговоримъ о сахарѣ. Я послалъ своего кондитера къ вашему отцу, но это торгашеское отродье можетъ надуть, а не купить. Кромѣ того изъ-за болѣзни я не смогъ сходить всюду, куда хотѣлъ; какъ только вы пришлете новый транспортъ, я разорвусь на 10 частей. Скажите, когда вы рассчитываете прислать еще—я постараюсь приготовить покупщиковъ.—Я послалъ вамъ лампу, за которую рѣшился заплатить на десять рублей больше, чѣмъ вы назначили, ибо полагалъ, что лампа изъ настоящей бронзы продержится у васъ дольше, чѣмъ поддѣльная, которая проживетъ недолго; я за нее заплатилъ 70 рублей. Свѣчи стоять 49 р.—починка часовъ стоитъ 12 р., всего 131 р. Что касается двухъ тетрадей нотъ, то я еще не знаю, сколько онѣ стоять; прочія три принадлежали мнѣ, и я хотѣлъ бы, чтобы ваши барышни приняли ихъ на память о человѣкѣ, который ихъ очень любить. Книги будутъ вамъ посланы въ февралѣ съ моими мужиками—такъ какъ я не выходилъ изъ дому, то и не могъ сдѣлать выбора. До свиданія, милый другъ, будьте же болѣе спокойны.—Поклонъ госпожѣ Тучковой.—До свиданія.

Привѣтъ и дружба.

14-го Января.

Н. Огаревъ.

3.

Н. П. Огаревъ — Н. и Е. Тучковымъ.

3 Octobre [1848 r.]

Je vous ai écrit plusieurs fois, Mesdemoiselles, mais hier mes lettres m'ont été renvoyées de Petersbourg et si vous m'accusiez d'avoir oublié votre amitié ce serait donc parfaitement à tort. J'ai passé de bien bons jours dans votre société et je m'en souviens bien souvent. Il n'y a qu'un souvenir qui me fasse de la peine, c'est que je ne vous ai jamais vues aussi gaies, qu'on pourroit l'être à votre âge. J'espère que le voyage vous aura fait du bien. Créez vous donc des occupations; il y a tant de bonnes et belles choses dans la vie que c'est vraiment un péché de ne pas aimer la vie. Maintenant que vous aurez vu tant d'objets d'art, tant de beaux lieux, tant de mouvement dans la société humaine, j'espère que vous prendrez intérêt à la vie et à l'humanité. Certes si vous souffrez pour des je ne sais quoi, ou si vous vous attristez sur les petites misères de la vie humaine, vous ne parviendrez jamais ni à prendre intérêt au monde réel, ni à vous créer quelque activité qui vous fasse vivre. Il n'y a qu'à s'adonner à de petites souffrances pour se sentir isolé, incapable d'agir et d'aimer l'existence. Je vous assure que je n'excuse pas les petites souffrances. Je pardonne et j'estime les grandes souffrances, car elles sont peut-être le resultat de grandes convictions et ne peuvent mener qu'à beaucoup d'activité et donnent un prix à la vie. Quant aux petites misères on s'y résigne, mais on ne s'y complait pas. Si je fais de la morale, je vous en demande mille pardons; c'est que je ne puis voir de sang-froid que vos jeunes existences au lieu de se développer naturellement soient faussées par de fausses tristesses et ensuite parce que—je vous le répète,—parce que la morale est dans la nature des choses.

J'espère donc que dans votre voyage un vif intérêt aux choses humaines vous aura porté à des occupations réelles et que vous nous reviendrez rajeunies, c. à d. aussi jeunes et actives d'esprit et de coeur que vous pouvez l'être à votre âge, à l'âge où l'esprit est naturellement porté à se développer. J'espère que vous m'écrirez vos impressions de voyage, pas pour me décrire les objets que vous aurez vus, car je les connois, mais pour me dire les impressions que ces objets vous auront faites. J'espère encore que vous m'écrirez parce que vous

savez mon amitié pour vous et que vous ne voudrez pas me laisser longtemps sans savoir ce que vous devenez. Racontez moi aussi comment vous aurez trouvé Mme Herzen.

Quant à ma propre personne, vous saurez d'après ma lettre à votre papa que je suis toujours absorbé par nos intérêts provinciaux ou villageois plutôt. Savez vous que je veux à toute force devenir riche, mais riche à millions. C'est une idée fixe et pourtant je ne suis pas cupide.

Adieu, Mesdemoiselles, amusez vous, prenez un peu part à la civilisation européenne et écrivez moi aussi souvent que vous le voudrez.

[На оборотѣ: Mesdemoiselles Hélène et Nathalie.]

[Переводъ] ¹.

3 октября.

Я нѣсколько разъ писалъ вамъ, сударыни, но вчера мои письма вернулись ко мнѣ изъ Петербурга; слѣдовательно, если бы вы стали обвинять меня въ томъ, что я забылъ вашу дружбу, это было бы полной несправедливостью. Я провелъ очень хорошіе дни въ вашемъ обществѣ и часто вспоминаю о нихъ. Меня огорчаетъ только одно воспоминаніе, именно, что я ни разу не видѣлъ васъ такими веселыми, какъ можно быть въ вашемъ возрастѣ. Надѣюсь, что путешествіе было вамъ на пользу. Итакъ, старайтесь найти себѣ занятіе; въ жизни такъ много хорошаго и прекраснаго, что по-истинѣ—грѣхъ не любить жизни. Теперь, послѣ того какъ вы видѣли столько произведеній искусства, столько красивыхъ мѣстъ, столько движенія въ человѣческомъ обществѣ, въ васъ, надѣюсь, зародится интересъ къ жизни и человѣчеству. Но если вы будете страдать изъ-за пустяковъ, если васъ будутъ повергать въ печаль мелкія непріятности человеческой жизни, вамъ никогда не удастся ни заинтересоваться дѣйствительностью, ни создать себѣ дѣятельность, которая наполняла бы вашу жизнь. Какъ только человѣкъ предался мелкимъ страданіямъ,—онъ чувствуетъ себя отрѣзаннымъ отъ всѣхъ, неспособнымъ дѣйствовать и любить жизнь. Увѣряю васъ, я считаю мелкія страданія непростительными. Я извиняю и уважаю великія страданія, потому что они, можетъ быть,—слѣдствіе высокихъ убѣжденій и неминуемо ведутъ къ могучей дѣятельности и придаютъ цѣнность жизни. Мелкія же невзгоды надо терпѣть безропотно, но носиться съ ними не слѣдуетъ. Тысячу разъ прошу у васъ прощенія за то, что читаю вамъ нравоученіе; но я не могу хладнокровно видѣть, какъ ложная грусть

¹ [Изъ этого письма нѣсколько строкъ, совершенно искаженныхъ,—у Пасекъ, 1-е изд., т. III, стр. 93.]